

An impressionistic painting of a seascape. The sky is a vibrant blue with thick, textured brushstrokes. Large, billowing white clouds dominate the middle ground, with some areas of pink and red. Three black silhouettes of birds are in flight against the sky. The sea below is rendered in shades of green and blue with visible brushwork.

Игорь Сульг

Путь Души

Игорь Сульг

Путь души

«Литео»

2017

УДК 82/821-821.161
ББК 84-4

Сульг И.

Путь души / И. Сульг — «Литео», 2017

ISBN 978-5-00071-902-2

Сборник стихотворений содержит избранные стихи, созданные на протяжении более тридцати лет и поэму. Поэзия в основном исповедальная. Резюме одной читательницы: «Поэзия Сульг Игоря – это боль обнажённой души, которая мучительно ищет тепла, любви, покоя и понимания. Они притягивают, завораживают, потому что в них пульсирует живая волна его эмоций».

УДК 82/821-821.161

ББК 84-4

ISBN 978-5-00071-902-2

© Сульг И., 2017

© Литео, 2017

Содержание

I. Ранние стихи (1977–1989)	9
Морские мотивы	10
1. Пенители морей	10
2. Спасенные ураганом	11
3. Баллада моря	13
4	14
5. Напевы волн	14
6	15
7	16
8	16
Воспоминания о первой любви	17
«В глазах, наполненных обманом...»	18
«О, друг мой ненаглядный, вспомни обо мне...»	19
«Четверть века уже прошагала...»	20
«Если вдруг в дождливый день...»	21
«Зачем в стране туманных грез...»	22
«Я-то знаю, дай тебе ракету...»	23
«Когда тебе мечту о сокровенном...»	24
«Твой лживый взгляд – подчеркнуто туманный...»	24
«Я грущу, но вам откроюсь...»	26
«Лес когда осенний дождь...»	27
Стая	28
«Кто вас любил...»	29
О смерти	30
Мысли о Рубиконе	31
«Что за Лаури – удалец...»	32
Два поколения	33
«Мальчишкой был я, может, озорным...»	35
Колыбельная сыновьям	36
«Люблю просторы дальние Отчизны...»	37
Любовь березы	38
«Удивляюсь, светлой песней...»	39
«Мои мысли взлохмачены...»	40
«Ты помолчи, моя тоска...»	41
II. Лики души (1990–2000)	42
«Ты ждешь ответ...»	43
«Когда-нибудь умру...»	44
Ностальгия	45
«Ты жалеешь меня...»	46
«Как мало надо, чтобы умер человек...»	47
Поцелуй смерти	48
1	48
2	48
3	48
«Отчаянье в любви подобно смерти...»	49
«Ты все поймешь...»	50

«Мнилось мне: когда-нибудь...»	51
Любовь – это костер	52
«Я видел ангела с душою проститутки...»	53
«Небо опрокинулось в кручину...»	54
«Мой одинокий голос глух, почти не слышен...»	55
«Опять борюсь с собой...»	56
Судьба-индейка	57
1	57
2	57
«Мне говорили: Радоваться должен...»	58
1	58
2	58
«Мир, окутанный враждой, в жестокий час...»	59
«Я, может быть, не прав, того не скрою...»	60
«О, Боже! Как хочется счастья!..»	61
«Он женское коварство принял за любовь...»	62
«Оракул предрекал: умру от боли я...»	63
«Тревожная дурь наполнила сердце печалью...»	64
«Вновь растаял дым...»	65
«Я по крупицам собираю...»	66
Омовение	67
На Арбате	68
«Мое наитие предчувствует подвох...»	69
«Я сознаю свое бессилье пред тобой...»	70
«Уйти бы в монашеский скит...»	71
«Моя тревога – гостя беспардонная...»	72
«Беда моя, я чувствую, лишь в том...»	73
Гадание	74
«Как прекрасное соседствует с шипами...»	75
«Как поздно мы жалеем о поступках!..»	76
«Чем ближе я рассматриваю путь любви...»	77
«Судьба – она коварно ворожила...»	78
Последнее письмо	79
«Наше время окутано ложью...»	80
Легко сказать	81
«Не в сердце, обожженное позором...»	82
«Не кажусь ли тебе смешным я?..»	83
«Мне горько сознавать...»	84
Романс	85
«Святая истина объявлена позором...»	87
«Монументы стареют и крошатся в пыль...»	88
Два романса	89
1	89
2	89
«Как обреченный на поступок...»	91
«Есть в душах призванье...»	92
Дума	93
«Ах, нам счастье дается, дается...»	94
«Промчитесь вы, промчитесь, облака!..»	95

«Я соткан из печальных нитей...»	96
«То ли дождик льет...»	97
«Пролетал осенней ночью...»	98
«Я за чистую монету...»	99
Не жаль	100
О смерти	101
Осень 90-го года	102
1	102
2	102
«Друзья мои, простите... и прощайте...»	103
Питерский этюд	104
Памяти Высоцкого	105
Тост	106
Издателю	107
«Горечь разлуки...»	108
Баллада о колбасе	109
Два клоуна	111
Кладбищенский мотив	112
«Я выгравировал слова...»	113
«Откуда-то из глубины...»	114
«Как в теплом сне качаются улыбки...»	115
«Я белый стол на небе закажу...»	116
«Нежность – отомри!...»	117
«Ты говоришь, что так любить нельзя...»	118
1	118
2	118
«Я ни о чем с тобой не говорю...»	119
«Я отдал бы все...»	120
Исход	121
Последнее і	123
Более чем зря	125
Друзьям по Сургуту	126
1	126
2	127
Отвергнутый друг	129
«Жизнерадостность – не тема...»	130
«Не в поле, не в море...»	131
«Я рядом стою, говорю, говорю...»	132
«Ты черным криком словно обеляла...»	133
«Слезинки скупые за божью росу...»	134
«...А львица светская прикинулась щенком...»	135
«Одни ушли, и в сердце темной полосой...»	136
Если б	137
«Стрелки черных бровей...»	138
«Шальной полет моих тревожных мыслей...»	139
Еще не вечер	140
«Удав моих ненужных мыслей...»	141
«Когда-нибудь во тьме забытых опер...»	142
«Когда я в снах своих закроюсь...»	143

«Никогда ничего не узнаешь...»	144
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Игорь Сульг

Путь души

*Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор – к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное слово.*

(Анна Ахматова)

© Сульг И., 2017

© ООО «Литео», 2017

I. Ранние стихи (1977–1989)

Морские мотивы

1. Пенители морей

В дальнем прошлом, в океане,
Лет четыреста назад,
Бороздил морские дали
Флибустьер, корсар, пират.

Генри Морган беспощадный,
«Меч Кровавый», грозный Кидд,
Франсуа Ле Клерк лукавый,
Спетый бурями бандит.

Совершал разбои в море
Роджер «Черной Бороды»,
В поисках за лучшей долей
Жег суда и корабли.

Бил испанцев, проклиная,
Дрейк – расчетливый пират.
Кровной мезтью наслаждаясь,
Приумножил он свой клад.

Братья Лафиты топили
Франков, сэров корабли,
Португал, испанцев били,
Чуть завидев их вдали.

Черный Роджер развивался
На пиратских кораблях,
И боялись государства
С «джентльменами» в морях

Ссориться. И приглашали
Их на службу, ведь тогда
Лучше их на поле брани
Не могли найти солдат.

В наше время не забыли
Кровь романтиков морей,
Только вот другая сила
Манит в прошлое теперь.

Сила духа и отваги,
Сила мужества в боях,
И в презренье как кидались

Малой горсткой на фрегат.

Как, с победой поздравляя,
Пили терпкое вино...
Что-то в них всегда пленяло,
Несмотря там ни на что.

Мы под песню «Бригантина»
Уплывали в мир мечты,
Где кончается рутина,
Где корсарские костры.

И представить до заката,
Сможем, коль с мечтой в ладах,
Одноглазого пирата
И со шпагою в руках.

(май, 1977 – январь, 1985)

2. Спасенные ураганом

В туманистой мгле урагана,
Седые бушпритом круша
Бурлящие волны, «Удалый»
Боролся со штормом.
\$\$\$\$\$\$\$\$Свища,
Канаты порвались, с пробойной
На левом борту, иногда
Корабль ложился на волны,
Трюма заливала вода.

Седой капитан одноногий
Приказывал с пеной у рта:
– Спасайте товар, идиоты!
Иначе нас ждет нищета! —
Глазами, наполненных страхом,
Безумно спасая себя,
Взирали матросы с проклятьем
На бешеный вид главаря.

– Да ну его к черту! Самим бы
Остаться в живых в ураган!
Нам Боже не выделил нимбы,
Спасает не тех, капитан! —

Товар – это женщины, дети,
Пиратами схвачены в плен.
И работорговцы хотели
Их с прибылью сдать, а затем
В портовом трактире закрыться,

За золото в грязных пирах
Хмельною душою забыться,
Не думать о грешных делах...

А судно тонуло! Матросы
Заполнили шлюпки, крича.
Последним сошел одноногий,
Покинув «Удалый», ворча.
Отпрянули шлюпки от шхуны,
Но ветер бесился во тьме,
Пираты в двух милях от судна
Погибель нашли на воде.

Стихия стонала, ревела,
Живое крушило вокруг,
Девятые валы до неба
Вздymались и падали...
\$\$\$\$\$\$Вдруг
Те волны взвихрялись в горгоны,
Под ветром барашки крутя.
И жуткие слышались стоны,
Скрипели борта корабля.

Невольники, выломав люки,
Борясь с наседавшей волной,
Взобрались на палубу.
\$\$\$\$\$\$С мукой
Взирали они пред собой
Штормящую хлябь океана.
Один из рабов у руля
Всем крикнул, что пробовать надо
Грот-мачту срубить корабля...

Плоты изготовлены в спешке.
«Удалый» уже на боку,
Покинули женщины, дети
Пиратскую шхуну.
\$\$\$\$\$\$Судьбу
Доверили морю и ветру,
С надеждой в отважных сердцах,
Что волны к желанному берегу
Их вынесут...
\$\$\$Мне же всегда
Мечталось – удача коварных
Минует и будет, любя,
Лелеять лишь тех, кто отважно
Ждал радостный возглас «Земля!»

(октябрь 1978 – январь 1985)

3. Баллада моря

И вздыбилось море в бурную ночь...
Но в мире чудес не бывает,
Иль правду скажу, или гнусную ложь —
Поверить я не призываю.

Где грозные волны смиряют свой гнев,
Сбиваясь о скрытые скалы,
Доносится склянки¹ печальный напев
И зычный хлопок парусами.
Где волны бушуют – сражающий ад,
И пена, взвихрясь, летает —
Там призрачно-белый старинный фрегат
В туманистой мгле проплывает.

Его не бросает на рифы волна,
Порывами мачты не гнет.
Над судном зависла проклятья вина,
Коль черный преследует рок.
Корабль не мечется в мутных волнах,
И ветры его не таранят.
Штурвалом скрипучим угрюмый пират
Фрегатом немым управляет.

И череп, покрытый седым париком,
Оскалом зубов ужасает,
И шпага убийцы торчит под ребром,
И кисти руки не хватает.
Наполнен печалью седой капитан,
Но трусости сердце не знает.
Немыслимо долго, века и века,
В ревущих морях обитает.

Он ищет обитель от шторма и бурь,
И город, закрытый от ветра.
Летучий Голландец у моря в плену,
Скиталец подлунного света.
И нет ни забвения, ни тишины,
Ведь проклят пират за убийства,
Но если кого-то спасет из беды —
Исчезнут клеймо и витийства.

Когда же в ревущих и бурных штормах,

¹ Склянки – полчаса времени; на морских судах колоколом в течение вахты отбивались каждые полчаса. Пробить четыре склянки – прошло два часа.

Услышав рындовые судна,²
На помощь спешит, то с проклятьем в устах
Под волны бросаются люди.
И, может, поймете, зачем капитан
Главу безнадежно склоняет,
Беспалую руку подносит к очам
И с силою скулы сжимает.

И склянками будет зачем-то звенеть
Вновь призрачно-белый фрегат.
Скупыми слезами рыдает скелет —
Седой и угрюмый пират.

(октябрь 1979)

4

Я даже порою не верю,
Что пылкой мечтой увлечен.
Мне ночью мерещатся звери
И крики ворон за окном.

Мне слышатся тихие стоны
И шелест прибоя о грунт,
Недобрые, жуткие взоры
Морского пирата, и фут
Под днищем летевшего судна
На камни. Удар!.. И во тьме
Звенит парусами упруго
Стихия, да мачты в воде...

Мне видятся дальние страны.
Легенды соленых морей
В трактирах травят капитаны,
Вербуя на шхуны людей.

Но только восток озарится
Кровавым рассветом зари,
Развеются грезы неслышно,
Как гаснут к утру фонари.

(январь 1985)

5. Напевы волн

На море шептала старинную песню
В прибое прибрежном волна.
И в рокоте шелеста чудилось – вечны

² Рындовые судна – звуки рында (колокола) судна, посылаемые при бедствии корабля в надежде на помощь.

В бестрепетной речи слова.

В бесстрастном рассказе волны суетливой
Мне слышалась мудрость морей.
Стихии нашествие видел в приливах,
В отливах – победу людей.

И много в ночи обезличенной волны
Преданий доверили мне.
Я плакал, печалью торжественной полный,
Когда отражалась в воде

Холодной трагедией жизнь мореходов,
Погибшие в шторме суда,
И слезы красавиц, и свечи, что в окнах
Светили надеждой всегда.

Но жалость людская не трогает моря,
И волны угрюмо молчат.
Кому-то досталась суровая доля,
Но кто-то вернулся назад...

Морские легенды охрипшего моря
О гальку шуршали во тьме.
И скорбь о погибших, и гимны живому
В напевах мерещились мне.

(февраль 1985)

6

Одичали волны без простора —
Им в стесненной бухте нелегко —
Друг на друга налезали и прибоем
О гранит кидались тяжело.

И плевались волны там брюзгливо
Мутной пеной, сонмищем песка
В каменистый берег, весь обросший илом
И развалинами корабля.

А над морем, с тучами витая,
Оглашая криком моряков,
Буревестник в мокрой пелене тумана
Исчезал и появлялся вновь.

(март 1985)

7

Неслышно вечер спеленал
И лес, и дол туманом,
Спустилась к морю тишина,
И волны задремали.

И словно зеркало, блестя,
Морская гладь лежала
Покорной, тихой, иногда
Лениво бормотала

Безликой рябью, и слова —
Безмолвные, глухие —
В туманном берегу песка
Тонули от бессилья.

И зрея тишь да благодать,
Невольно улыбнешься:
«И это силою назвать,
Ворчаньем что зовется?!»

Но стоит ветру рассердить
Свободный дух стихии —
Как вздыбнутся в морях валы
Десятибалльной силы.

(апрель 1985)

8

Безлунная тихая ночь.
Дремала морская волна.
И ветры бродяжные прочь
Угнали дожди, облака.

Сиж у окна в свете бра,
И видится мне наяву
Стремительный бег корабля
В далекую юность мою.

Невольно взгрустнула душа,
Тоску пробуждая во мне.
Ах, молодость, где ты моя!
Как сполохи света во мгле.

(май 1985)

Воспоминания о первой любви

Ты помнишь ли море, и как мы купались,
Игривую дерзость прозрачной воды?
А помнишь ли, чайки над нами смеялись,
Когда от взрыхленной скрывались волны?

Ты помнишь, со страхом бесценного груза,
Тебя на руках через лужи носил?
И как мы мечтали, чтоб крепкая дружба
В один узелок завязала двоих?

Ты помнишь ли утро туманного леса,
И капельки дождика в жухлой траве?
А помнишь, скрывались под копнами сена,
Когда бушевала гроза во дворе?

И как мы цветы собирали лесные,
И как мы шутили, гадая по ним,
И «Юности» замок с мостами слепили
С морского песка на владенье другим?

А помнишь ли тусклость ночного подъезда,
И радостный трепет родившей любви,
И как между нами раздвинулась бездна,
Когда в откровенье мы слов не нашли?

...Ты помнишь, я знаю, но только не стоит
О прошлом молить у холодной души.
Прости, что заставил тебя я припомнить
И муки, и радости первой любви.

(май 1985)

«В глазах, наполненных обманом...»

В глазах, наполненных обманом,
Не вижу дымки теплоты.
Исчезло все в густом тумане
И нет ни счастья, ни любви.

Когда раскаянье, проснувшись,
Навевает в сердце теплоту,
Мои глаза не улыбнутся,
Забуду, что тебя люблю.

(апрель 1980)

«О, друг мой ненаглядный, вспомни обо мне...»

О, друг мой ненаглядный, вспомни обо мне,
Открой страницу прошлого, что в сердце
Тяжелым грузом пройденных годов и дней
Задвинулось от памяти.
\$\$\$\$\$\$\$При встрече
Не обойди меня молчанием своим.
Я, слышишь, рад тебе. Пока со мною
Твое внимание и ласка, и любим
Пока тобой – я жив.
\$\$\$\$\$\$\$Не скрою,
Мне тяжкие работы по плечу,
Когда я горд твоим расположеньем.
Ты вспомни, друг, с томлением прошу,
Но только при начале отчужденья
Ты не скриви душой и правдой отрази
Мою приязнь, чтоб муки недоверья
Не умаляли б все достоинства твои,
Мое не осушали б вдохновенья.
Ничто не умирает на Земле,
Всмотрись в страницы памяти и, с болью
Иль замираньем трепетным в душе,
Мне дай понять, что не забыт тобою.

(март 1984)

«Четверть века уже прошагала...»

На день ангела Е. Ю.

Четверть века уже прошагала
Ты на грешной и нежной земле,
Четверть века уже за плечами
На пути к вековечной черте.

Я не знаю, как ты проживала —
Расстоянием отделены —
И беду ты не раз познавала,
И счастливые видела дни.

У тебя уже дети, и радость
Материнства никем не отнять.
Боль за судьбы девчонок не знаешь
Еще, может, ты, или знать

Суждено мне не много, а мало,
Но не будем о жизни судить...
В этот день я тебе пожелаю
Настоящей и честной любви.

Я увидеть тебе пожелаю
Больше трепетных в радости дней,
И мечты чтоб всегда пожинала,
Видеть в счастье своих дочерей.

Чтоб росли они смело, красиво,
Чтоб гордиться ты ими могла,
Чтоб людей красотою разили...
Как тобой очарован был я.

(март 1984)

«Если вдруг в дождливый день...»

Если вдруг в дождливый день
Постучит беда,
С чистой совестью детей
Отойдут друзья.
И дождливой муки тень
Скроет пустоту,
Ты проклянешь всех людей
И печаль свою.
Вновь обманута судьбой,
Прошлое казня,
Ты омоешься слезой...
Но останусь я!

(март 1984)

«Зачем в стране туманных грез...»

Зачем в стране туманных грез
Я встретился с тобой?
Зачем красу твою вознес,
Зачем причислил твой
Далекий образ в лик святых?
Теперь издалека
Мне ясно, что мои мечты
Не смогут никогда
Вдохнуть тепло в твои глаза,
Заставить их любить.
И образ твой в душе храня,
Смотрю я на других.
Быть может, в них не та краса
В сравнении с тобой.
Зато земная простота,
Зато земной покой.

(январь 1985)

«Я-то знаю, дай тебе ракету...»

Юре Сурину

Я-то знаю, дай тебе ракету,
И взлетишь в космический простор,
Новую откроешь там планету,
И войдешь с чужими в разговор.

Облетишь Галактику и звездам
Вновь докажешь в разум, и тогда
Ты вернешься, может, очень поздно...
Или не вернешься никогда.

Я-то знаю, вижу, что красива,
Словно след летевших метеор,
Та мечта, но есть другая сила,
Что зовет и манит на простор.

Это – море, с яхтами, штормами
И с разлукой в дальние края.
Помнишь, как мы в юности мечтали,
Будут ждать нас карие глаза.

Мы с тобой романтики, поверь мне,
Оба влюблены в свои мечты...
Долети когда-нибудь к планете,
У далекой меркнувшей звезды.

(январь 1985)

«Когда тебе мечту о сокровенном...»

Когда тебе мечту о сокровенном
Доверил я, ты молвила в ответ:
– Какой чудак! —
\$\$\$\$\$Слова обыкновенны,
Но как накрылся теменью окрест.
Ведь мне мечты покоя не приносят,
Хотя они, быть может, не нужны.
Открыть в душе признанья не попросят
Твои глаза, и я смолчу.
\$\$\$\$\$\$\$\$\$В тиши
Стою один на перепутье жизни,
Как перст, замкнувшийся в себе.
И ты ответишь взглядом укоризны,
А я уже с мечтами вдалеке.
Меня несет большой корабль по морю,
Гуляют ветры, волны и луна
Дорожкой играет с волною
И звездами по курсу корабля.
Скрипят борта, и лопаются снасти,
И сильным ветром полны паруса!..
Ты говоришь, рассказываю сказки,
Но это о романтике мечта.
Мой мир мечты: с морями, кораблями,
С соленой руганью лихих бродяг —
Тебя не потревожит, это знаю.
Мне жаль тебя...
\$\$\$\$\$Прости, ведь я «чудак».
Моя мечта с надеждою о счастье
Не даст мне разувериться в беде
В любви и честности, простой удаче,
И путь укажет тернистый к звезде.
А ты своими тихими страстями,
Испепеленная огнем беды,
Не оживешь под редкими лучами
Потухнувшей в сознании мечты.

(январь 1985)

«Твой лживый взгляд – подчеркнуто туманный...»

Твой лживый взгляд – подчеркнуто туманный,
Твои шаги – подчеркнуто нежны,
Но в сердце ты по-прежнему коварна,
По-прежнему в утеху, без любви
Играешь страстью.
\$\$\$\$\$И в игре опасной

Влюбиться бойся пламенно в меня:
Тебя я знаю.
\$\$\$\$\$Пламенной страстью
Погубишь только ты саму себя.

(январь 1985)

«Я грущу, но вам откроюсь...»

Я грущу, но вам откроюсь.
Если правду рассказать,
Не тоскою я наполнен,
Просто хочется мечтать.

Открываю в мыслях двери
Для мечты в сей поздний час.
Может, трудно вам поверить:
Дверь открытая – для вас.

Но мечта моя, не скрою,
Лишь мечта. В сей поздний час
Вы вошли к другим в покои.
Дверь закрыли после вас.

(январь 1985)

«Лес когда осенний дождь...»

Лес когда осенний дождь
Окропит слезой,
Я вступлю на зыбкий мост —
Грезить над судьбой.
С мыслью светлой о страстях
Подберусь к тебе,
Думами о прошлых днях
Поделюсь в тоске.

Если же в недобрый час
Ты сожжешь мосты,
Я покину, торопясь,
Образы твои.
Не рискуй призвать меня
Снова ты к себе.
Я покину те края,
Где мечтал в тоске.

(январь 1985)

Стая

Ветер в поле свищет
И снега кружит.
Путник крова ищет,
С холода дрожит.

Волки стайей рыщут,
Воют на луну.
Звездами накрыты
Небеса вокруг.

Волчий вой наводит
Смертную тоску.
Оступился холод,
Путник весь в поту.

Со звериным криком
Он от стаи прочь
Убегает быстро,
Некому помочь.

Путника догнали
Хищные клыки...
И весной в овраге
Кости лишь нашли.

(январь 1985)

«Кто вас любил...»

Кто вас любил,
\$\$тому понять легко,
Что может страсть
\$\$быть горькою усладой,
Что в жизни
\$\$нам любовью суждено
Страдать не раз;
Не раз смешной тирадой
Нам быть униженным,
\$\$и от стыда
Зароками предписывать изгнание,
Но, удалясь,
\$\$мечтать издалека
О встрече,
\$\$как на первое свидание.

(январь 1985)

О смерти

В чем, Смерть, твое предназначенье?
Открой на правду мне глаза.
Ужели даже в наслажденье
Страшиться должен я тебя?
Ужели можешь ты безмолвно
Срубить любого: стар и млад?
Ужели скорбь тебя не тронет,
Твоим убийствам нет преград?

Ты многих в мраке заточенья,
Лишив надежду, забрала;
Скосила многих ты в сраженьях
И за работой у стола.
Ужели твой приход суровый
Итогом жизни посчитать?
Забыть проклятия и слезы?
Забыть! И все-таки страдать.

Как ты жестока, беспощадна!
Твоя холодная коса
Одних косит, заранее зная,
Другим сразит она сердца.
Как много ярких вдохновений
Твоя костлявая рука
Убила подло, с нетерпеньем,
И люди прокляли тебя.

Но будь ты проклята навечно,
Не оступишься никогда.
Недаром ты зовешься «смертью»,
Недаром ты у всех одна.

(февраль 1985)

Мысли о Рубиконе

С печалью думал я о Рубиконе,
О той меже, куда заходит наш закат,
Где грань страницы жизненного моря,
И где судьбы вердикт – закончен наш прокат.

Я не страшился хладного покоя,
Конкретной мыслью только мучило одно:
Ужели мне не суждено такое
Свершить для мира, чтоб запомнилось оно?

Ужели я в забвенье так и кану,
Потомками забытый раз и навсегда?
И зря предавшись панике и страху,
Я закрывал на жизнь кипучую глаза.

А жизнь неистово бежала рядом,
Ко мне врываясь запахом цветов весны!
Я оживал! Во мне струна играла,
Призывом к жизни оглашая мрак души.

И лишь когда судьба явила милость,
Преподнеся мне сыновей – возликовал.
И пусть ничем я не прославлюсь в мире,
Не весь уйду за Рубикон небытия.

Исчезну я, и мир меня забудет
В галопе вечно бешено летящих лет,
Но будут жить потомки, будут струны
Такие же в душе призывом к жизни петь!

(февраль 1985)

«Что за Лаури – удалец...»

Сыну Лаури

Что за Лаури – удалец,
Маленький мальчишка!
Пряник схватит и хлебец,
Оскорбит Максимку.

То вприпрыжку нагишом
Оббежит квартиру,
То писклявым голоском
Что-то крикнет миру,

То, как маленький медведь,
Скосолапит ножки...
Ой, люблю тебя, малец!
И целую в щечки.

(февраль 1985)

Два поколения

Мы знаем, молодое поколение,
В таком же возрасте, сейчас как мне,
И побеждали на полях сражений,
И гибли, отдавая дань войне.
Безусые, любви не зная сладость,
Кидали грудь на амбразуру дзот,
Молчали в пытках, сохраняя святость
К Отчизне – матери своих отцов.

И, может, нетерпимости в них было
Ко злему больше, сравнивая с нас,
Но только мы их подвиг не забыли
В войне кровопролитной, их наказ
Любить прекрасное в огромном мире,
Не равнодушным быть, когда мы зло
В преступной маске вора обличили,
Бросающим камень нам в лицо.

И больно мне бывает, если вижу
Парней хмельных, сидящих в кабаках,
Рожденных быть защитниками миру,
Преемниками тех, кто пал в боях.
А сколько зла под маской состраданья
К живой природе видим мы в стране.
Ей дела нет в защите флоры, фауны,
Мечтает прибыль нажать на добре.

А сколько хамства в молодых подростках,
Забывших уважение к седым,
Цинично рассуждают на подмостках
И умаляют ужасы войны.
Ужели вам чудовищная цифра:
Десятки миллионов жертв войны
Не говорит о том, какая битва
На долю тех досталась, кто седы?

Ужели вам, кто взятку давший в руку,
И взятку положившие в карман,
Понять не суждено: молодые души
Растлеет пожирающий обман!
Какое поколение за нами
Грядет и будет судьбами вершить
Земель, природы, жизнью океанов,
Коль с совестью их не научим жить?

Какая нам цена за те ошибки,

Что в жизни совершаем на шагу?
Нельзя быть гражданином, если в мыслях
Мы не горды за Родину свою!
И видя хамству преклоняющие мысли,
В моей душе звенят колокола,
Взывая к памяти отдавших жизни
Во имя счастья, света и тепла!

(февраль 1985)

«Мальчишкой был я, может, озорным...»

Матери

Мальчишкой был я, может, озорным,
Стеснялся быть внимательным и чутким,
А ссорившись, по-черному грубил,
Словам не зная меру в те минуты.
Но в ночь, оставшись на один с собой,
Винил себя и каялся в проступках,
И плакал молча, плакал над судьбой,
Которая меня послала в муках тебе.
\$\$Любил всегда я слушать песнь,
Что ты певала зимними ночами
Пред печкой обнаженной – как теперь
Я помню – раскаленными углями.
Ты пела, вспоминая о былом,
С закрытыми, уставшими глазами.
По-детски я осматривал лицо
И так хотел обнять тебя руками.
Но мысль, что я в девчонку превращусь,
Придерживала вспыхнувшие чувства...
И я страдал, что просто не могу
Тебе сказать, какая ты!
\$\$\$\$\$\$\$\$\$В разлуке
Я находил, что был, порою, враг
Своей душе – к любви раскрытой настежь...
Но ты прости, что был такой чудак
Я в детстве, откровенностью боявший
Мальчишечью свою унизить честь,
Чтоб смело молвить: «Мамочка, люблю я
Твои глаза и руки!»
\$\$\$\$\$\$\$А затем
Тебя обнять...
\$\$\$И вот теперь гляжу я
На сеть морщин, раскинутых у глаз
Потоками годов, прошедших быстро.
Но для меня ты молода всегда,
И глядя на морщины, вижу мыслью
Тебя такой, какую ты была
Тогда со мной, у раскаленной печки —
Красивой, без сединок у виска,
Поющая печальные мне песни.

(февраль 1985)

Колыбельная сыновьям

Спите, спите, малышата,
Баюшки-баю.
Вот уже луна играть
Вышла на ветру.

Ночь окутала снегами
Кустики вокруг,
Спят березы, сон у яблонь,
Баюшки-баю.

Птицы, звери спать ложатся,
Баюшки-баю,
Спят уже в лесу зайчата,
Спрятавшись в снегу.

И в берлоге медвежата
Спят уж на боку,
Только волки не ложатся:
Воют на луну.

Малышатам не заснувшим
Волки на беду
Хищно рыщут ночью жуткой,
Баюшки-баю.

Что же вы, мальчонки, ночью
Не хотите спать?
Спите, спите, потревожить
Не позволю вас.

Мне мальчонки отвечают,
Улыбаясь вдруг:
«Не боимся жить с волками,
Только... с нами будь».

(февраль 1985)

«Люблю просторы дальние Отчизны...»

Люблю просторы дальние Отчизны,
Леса осин, берез и тополей.
Я слышу в крике стаи журавлиной
Печальный зов покинутых полей.

Напев берез, такой родной и близкий,
Кольшет душу, будто на ветру.
Я словно в землю врос на поле чистом,
Открытый птицам, солнцу, и красу

Обозревая пристально глазами,
Я вижу озеро и слезы ив
Плакучих, со склонившими ветвями,
Их обезмолвленный печалью крик.

Но есть на свете то, что мне дороже
Красы берез, осин и тополей.
И знайте, это – пенистое море
И ветер, что несется от морей!

Прибалтики суровый запах ветра,
Наполненный соленой пеной волн,
Меня дурманит парусами детства
И пением церковных колоколен.

О! Как душа ветрам открыта настежь,
В моря неудержимисто маня!
Они вошли, легонько постучавшись,
Трезвоном колокольчиков в меня.

(февраль 1985)

Любовь березы

Я слышал плач березы,
Стоявшей под окном.
Оплакана слезою,
С поникшей головой.

Девичий стан ветрило
Рукою обвивал,
И про любовь неслышно
Березоньке шептал.

Она, отдавшись ветру,
На все закрыв глаза,
Любовью беззаветной
Ответила в слезах.

Заснеженным объятьем
Он обнимал ее,
И ветви обломав ей,
Ощупывал лицо.

Натешившись, с морозом,
Вечернею зарей
Покинул он березу
И полетел к другой.

В лихой обман уверив,
Береза о любви
Молила грустно ветра
Напевами молитв.

Не вняв мольбам печальным,
Холодный ветер выл,
Надрывисто смеялся
И мял уже ковыль.

(февраль 1985)

«Удивляюсь, светлой песней...»

Удивляюсь, светлой песней
Наполняется душа.
Признаюсь, что я поэтом
Не мечтал быть никогда.
Я мечтал, что в синем море,
На красивых кораблях,
Покорившись Посейдону,
Буду плавать и страдать
От «морской болезни» нудной.
Но, как видно, не судьба.
На земле теперь влачу я
Дни без моря, но мечта
Озарила ярким светом,
Затуманила глаза.
Знаю, песнь моя не спета,
Коль до каждого рассвета
С лирой буду я всегда.

(февраль 1985)

«Мои мысли взлохмачены...»

Мои мысли взлохмачены —
Дрожит кончик пера,
Но обрывки утрачены
Навсегда, навсегда...

Непонятны те радости
И открытия те,
Что находятся в красочном
Заколдованном сне.

Там – летишь над просторами,
Под тобою моря
Располощутся штормами,
Мне ветрами грозя.

Руки шире распахнуты,
Словно пущен стрелой...
Но глаза открываются —
Мир другой, мир иной.

(июль 1989)

«ТЫ ПОМОЛЧИ, МОЯ ТОСКА...»

Ты помолчи, моя тоска,
Помолчи. И будь покорна,
И с идеями не спорь...
Мысль томит меня – и выскажется боль,
Наша боль!
Ты найди ответ, душа!
Отыщи хоть самый темный...
Но утрачена любовь —
Мы в предчувствии грядущих катастроф —
В раны соль!

Но простите, что там боль!
Мы готовы к общей боли,
Только б не было войны!
Но ошибками отцов омрачены
Наши дни.
На скрижалях старых войн
Сняты лозунги ко крови,
Вакханалии в ночи...
Но затуплены о камень те мечи,
Что секли.

Обойдите вы меня,
Муки дантового ада...
Совесь разбудив свою,
Мы помянем жертвы сгинувших в аду,
В том краю.
Пусть запишут имена
Пострадавших от Гулага,
Золотым резцом строку
Высекая на гранитную скалу,
На одну.

(23–25 июля 1989 г.)

II. Лики души (1990–2000)

«Ты ждешь ответ...»

Ты ждешь ответ...
Ответа не продвигу.
Я в боль вошел, и выход затемнен.
Мне путь один представлен: ниже, ниже.
Моя вина, что снова я влюблен.

Моя вина...
Твоей я здесь не вижу.
И не прощай, не надо, и потом:
Боль сладостна, и опускаясь ниже,
Кричу с надрывом:
– Снова я влюблен!

(январь 1990)

«Когда-нибудь умру...»

Когда-нибудь умру,
\$\$но только знайте —
Я был любим, судьбу не проклинал.
Не знал я слов жестоких,
\$\$\$\$\$как «прощайте»,
И души сапогами не топтал.

Настал тот час,
\$\$\$\$и выбор сделать надо,
Сказать «прощай» и сгинуть навсегда...
А души детские,
\$\$растерзанные правдой,
Омоет набежавшая слеза.

(январь 1990)

Ностальгия

Осенним дождем ностальгия вошла,
И душу окутала серая мгла.
Знакомое слово, но чувство чужое,
Во мне оно вжилось и стало бедою:
Я словно бы здесь, но уносятся мысли,
Душа раздвоилась на дальних и близких...

(январь 1990)

«Ты жалеешь меня...»

Ты жалеешь меня...
Сам себя я уже не жалею...
И в камине чужие дрова
Тусклый дым выпускают, чадя.
Ты проклянешь меня,
Сам себя я проклясть не сумею,
И обрывки потушенных фраз
В колоснице смешает зола.

Разнесется в поля
И развеется пепел по ветру.
И чужие слова о любви
Будут слух твой ласкать, и, кляня,
Ты забудешь меня...
Сам себя я забыть не сумею...
А в камине зачахшем сгорит
Не прощенная совесть моя.

И как к ветру надежд,
Обращаюсь я к прошлому взглядом,
Чтоб в былых утешеньях твоих
Растворить и обман, и позор...
Как не сможешь разжечь,
Что сгорело в камине пожаром,
Так и я не смогу на двоих
Зачитать лишь один приговор.

Проклянный, забыт,
И развеянный буду по ветру,
Я накрою туманом поля,
Что вскормили, вспоили меня...
Из-под черных копыт
Полудиких коней гроздь пепла,
Как ненужная грязь бытия,
Отлетится, друг друга давя.

(январь, июнь, сентябрь 1990)

«Как мало надо, чтобы умер человек...»

Как мало надо, чтобы умер человек —
Сказать: прости,
\$\$\$\$любви уж нет, лишь пепел,
И от надежд былых холодный ветер
Ласкает сонные верхушки прошлых лет.

Как мало надо, чтобы умер человек —
Скривить душой,
\$\$\$\$забыть все то, что было,
Признания выслушивать уныло,
И как от мухи, отмахнуться, наконец.

Как мало надо, чтобы умер человек...
Увлечься и гореть любовью новой,
И все забыть – прожитое, бывшее,
А после истязать бесчувствием калек...

Как мало надо, чтобы умер человек!

(февраль 1990)

Поцелуй смерти

1

Я видел смерть.
Я с нею был на «ты»...
Холодный взгляд смотрел так равнодушно,
Что спазмы боли,
боли непослушной,
Сковали разум в выходе тоски!

И был удар...
Растерзанная грудь
Слезилась кровью, исчезали мысли
И приходили вновь, намешивая муть
На воспаленный разум.
Крики близких,

Рыдания жены, уже вдовы,
И не вдовы еще, ведь я не умер...
Так терпит бедствие корабль любви,
Восторженно бряцает Смерть в свой бубен.

(февраль 1990)

2

Когда я был со смертью на «ты»,
Жизнь волоском во мне теплилась,
Жалеть о чем-то не было нужды,
Душа к звезде уже просилась.

3

Смерть желает получить
Души в свои сети,
И восторженно стучит
В бубен на рассвете.

(23.07.2007)

«Отчаянье в любви подобно смерти...»

Отчаянье в любви подобно смерти —
Круг жизни завершен, мечтам конец,
Надежды робко оставляют тверди —
Так распадается союз сердец.

Душевные надрывы ни слезою,
Ни золотом молитв не залечить.
Уж голова покрыта сединою,
А рану старую ничем не оживить.

(март 1990)

«Ты все поймешь...»

Ты все поймешь...
Ты все поймешь и не осудишь,
Но если суд твой будет очень скор,
Одним ударом душу не разрубишь.
Ну не тяни! Гласи свой приговор!

Пусть буду я шутом,
Пусть буду, и толпою
Вы смейтесь, потешайтесь над судьбой.
Я чувств своих от глаз чужих не скрою:
Я в них живу, они живут со мной.

Они во мне,
Они звенят капелью вешней —
Пусть холодно и мерзко на душе,
Пусть молох, раскрутившийся неспешно,
Раздавит все прекрасное во мне.

Не все умрет,
Не все, и что-нибудь упрямо
Пробьет росток судьбе наперекор.
Быть может, время и залечит рану,
Но не сейчас. Гласи свой приговор!

Я все стерплю!
Всю боль! Душа привыкла к боли,
И сердце закалилось на беде...
Как жаль, что поздно встретились с тобою,
Что раньше, жаль, не знал я о тебе.

(февраль 1990)

«Мнилось мне: когда-нибудь...»

Мнилось мне: когда-нибудь
Чувства позабудут
Для чего и почему
Были нужны людям.

Соберут промеж себя
Суд сурово-чинный
И присудят: «Нет добра —
Значит, нет причины

Бескорыстно нам служить
Горе-человекам».
Хлопнут дверью и уйдут
Побродить по свету.

Обеднеет люд без чувств,
Сотворят кошмары,
И покроет землю хруст
От безумной свары.

От картины страшной той
Дрожь прошла по жиле...
Пусть я с чувствами – живой,
Чем без них – в могиле.

(апрель 1990)

Любовь – это костер

Я в зимний день разжег костер
И грелся у костра.
С продрогших губ слетали в бор
Озябшие слова.

Покрыты инеем, как мхом,
Они вставали в ряд...
И только знал охрипший стон
О чем они кричат.

Как, надрывая душу мне,
Морозили слова...
Но грел костер, как гимн тебе,
Хоть он сгорел дотла.

(май 1990)

«Я видел ангела с душою проститутки...»

Я видел ангела с душою проститутки
Иль черта в саже с ангельской душой...
Ты приговор мне зачитала в те минуты,
Что любишь, но уходишь не со мной.

И мир погас, погасли звезды в небе,
Сквозь слезы опрокинулась луна.
«Как ты не умер? – удивлялось сердце. —
Во мне осталась только пустота!»

Мне пустоту заполнить было нечем,
Я провалился, словно в забытье.
И лишь сигналы посылал о встрече
Мой воспаленный разум за окно.

Сигнал дошел, и даже не за сутки!
Ты позвала, и я был снова твой...
Исчез тот ангел с взглядом проститутки,
Остался черт, но с ангельской душой.

(май 1990)

«Небо опрокинулось в кручину...»

Небо опрокинулось в кручину —
Мрачные нависли облака.
И с дождем намыло ностальгию —
Вспомнились опять твои глаза.

Музыка звучала, как стонала,
Песня «Плот» – одна сплошная боль.
И щека, покрытая слезами,
Красным полыхала, как огонь.

(май 1990)

«Мой одинокий голос глух, почти не слышен...»

Мой одинокий голос глух, почти не слышен,
Чеканить шаг не будут робкие слова.
Но наказание, ниспосланное свыше,
Вновь предъявлять мне вздумало права.

Его приход немой, увенчанный страданьем,
Глазницей божества воззрилось на грехи,
И словно взором я раздетый, в оправданье
Шепчу ему: «Прости меня, прости!

Прости мою любовь, что жил я неумело,
Что отдавал себя навету темных сил,
Что в жизнь – пустую шутку – пошатнулась вера,
Что белые одежды не носил».

Мой голос одинок, он слогом не напыщен,
И высекать слова не будут на гранит...
На мне проклятие, наложенное свыше,
Но я, надеюсь, буду не забыт.
(май 1990)

«Опять борюсь с собой...»

Опять борюсь с собой, пусть молча, терпеливо.
Печаль и вздох тоски твой слух не оскорбят.
И пусть мой хмурый взгляд глядит на мир уныло,
Ты знаешь, я другой, тебе всегда я рад.

(май 1990)

Судьба-индейка

1

Да, я виновен. И судьба-индейка
Когда-нибудь осудит за грехи...
Я словно разменял на жизнь копейку
У дьявола в излучине реки.

Нечистый, надсмехаясь надо мною,
Кривя свой рот, мне деньги предлагал:
– Не верь судьбе, ведь счастье наживное.
Оно – в рублях, – брызжа слюной, шептал.

Но я ему не верил, знал другое —
Не в деньгах счастье, счастье – в любви...
Но деньги взяв, лишился я покоя.
С тех пор живу в объятиях тоски...

(май 1990)

2

К реке не раз ходил, как на линейку,
Нечистого надеясь повстречать,
И разменять обратно на копейку
Ту жизнь, где исчезает благодать.

Но силы темные, плеваясь нагло,
Юлой вертясь, кидали мне в лицо:
– Ты выбрал сам себе такое тягло
И приковал надолго в колесо!

Я умирал не раз, и вновь рождался,
И жилы рвал, и путы разрывал,
Но словно с мельницами я сражался...
Хотя, надеюсь, это – не финал.

(27.10.2008)

«Мне говорили: Радоваться должен...»

1

Мне говорили: «Радоваться должен,
Что жемчугом владеешь ты один».
С тех пор боюсь: заплатит подороже
И перекупит новый господин.
(лето 1990)

2

Боязнь не зряшняя была —
Перекупил другой тогда...
Теперь алмазом я владею,
Свою закончив одиссею.
(04.12.2007)

«Мир, окутанный враждой, в жестокий час...»

Мир, окутанный враждой, в жестокий час,
Захлебнувшись мясом пушечным и кровью,
К милосердию взывает, чтоб очаг
Не угас людской, подобно Трое.

(лето 1990)

«Я, может быть, не прав, того не скрою...»

Я, может быть, не прав, того не скрою,
Сомненья ум терзают, вопреки
Твоим словам, стелившимся покоем,
Не ведавшим ни грусти, ни тоски.

Твои слова, окутанные дымкой,
Загадкою проносятся в уме,
И зашифрованная, паутинкой
Висит в них правда, как на волоске.

Гляжусь в слова, как в зеркало немое,
Их тайный смысл я постичь хочу,
Но душу окружила ты покоем,
Волненья чужды сердцу твоему.

Ничем не жертвуешь любви, не внове
Усталых глаз моих немой укор,
Усталых чувств, сгорающих от боли,
Усталых мыслей частый перебор.

(июнь 1990)

«О, Боже! Как хочется счастья!..»

О, Боже! Как хочется счастья!
Как хочется просто любви!
Забиться в истомленной страсти
И видеть прекрасные сны.

О, Боже! Как хочет покоя,
Намучившись, сердце мое.
Прости, что такое больное
И требует счастья оно.

(июнь 1990)

«Он женское коварство принял за любовь...»

Он женское коварство принял за любовь,
Игру ума – за тайнопись желаний.
Он возмечтал в который раз, что будет вновь
Причиной ее страданий.

Любовь его сжигала, истово казня,
Доверчивость скрепляла поцелуем,
Душа металась от полымя до огня,
И было не до аллилуйи.

Печальных снов его немая суета —
Проносится калейдоскоп событий...
Всю чашу боли он испил до дна,
Чашу обманутых открытий.

(июнь 1990)

«Оракул предрекал: умру от боли я...»

Оракул предрекал: умру от боли я,
Мой хладный труп утопят в бурном море.
Хоть верить я не верил, только колея
На ту дорожку вывезла, где горе.

Любовь еще брела и, тяжело волоча
Разбитые о камни свои ноги,
Морали мне читала, только не учла:
Оракул предрекал – погибну в море.

Надежда за Любовью, отступив на шаг,
Мне обещала смутное блаженство.
Но я не мог поверить – не бывает так,
Чтобы любовь была, как совершенство.

А Вера поняла: меня не провести,
На все слова – ответы наготове...
Судьба начертана по Млечному пути —
Оракул предрекал: умру я в море.

(июнь 1990)

«Тревожная дурь наполнила сердце печалью...»

Тревожная дурь
Наполнила сердце печалью.
— А брови не хмурь, —
Сказала ты мне на прощанье.

Разлука, как боль,
Хоть мучит, но жить позволяет,
А сердце одно,
Той боли оно не желает.

С тоскою в груди
Теряем последние силы.
Что там впереди?
Не крест ли? Любви ли кончина?

Иль нам суждено
Летучим Голландцем по свету
Не версты мотать —
Накручивать горькие встречи?

Зачем мы тайком
Вздыхаем и грустью страдаем? Вопрос не поймем...
Ответа, тем паче, не знаем.

(июнь 1990)

«Вновь растаял дым...»

Вновь растаял дым,
Дым, что был тобою.
Вновь я стал немым,
Вновь гоним судьбою.

Корчит рожи мим,
Роком что зовется,
Стал я вновь глухим,
А глухим нейметя.

То ли слышу звон,
То ль стучит подкова.
Изрыгаю стон,
Сердце ищет крова.

Но я стал немым,
Стон приснился ночью...
Вновь растаял дым,
Что ж я рожу корчу.
(июнь 1990)

«Я по крупичам собираю...»

Я по крупичам собираю
Былого светлые страницы. Что было черным – я сотру,
Как день, что вновь не повторится.

Лампадка копотью чадит,
Свеча настольная теплится.
В камине памяти сгорит
Моя печальная страница.

И кажется, сгори она —
Пройдет съедающая мука,
Но вновь напомнит мне зола
Греховную насущность духа.

Мне вновь напомнит, как я жил,
Не оставляя дань пробелу...
Я словно ниточкой пришил
К груди печальную эмблему.

Но словно на эмблему зла
Безликая толпа взирает...
Не открывая кошелька,
Плевками милостню бросает.

(июнь 1990)

Омовение

Рассекают небо надо мной дожди,
И парит земля в туманной хмарине,
Словно с Господом заключено пари,
Сколько можно выжать с туч испарины.

Словно в мраке поднялась Господня длань
И направила на наши головы
Всю небесную высокую печаль,
Омраченную его невзгодами...

Омовение небес приняв душой,
Не могу, простите, успокоиться.
И без лжи, не за холодный упокой
Мои губы, содрогнувшись, молятся.

Развернувшись к хмарным небесам лицом,
Принимаю капли, как пощечины,
Что небесным и всевидящим перстом
Отхлестали за грехи мои с просчетами.

(июнь 1990)

На Арбате

Воспоминание, как тихий ужас,
Преследует меня кошмарным сном.
Я мысли отгоняю, поднатужась,
Стараюсь вовсе думать о другом.

Увиденное, словно жути в сказках:
Дыханье затаив, Арбат молчал —
Безногий цыганенок на кульпянках
На мостовой ламбаду танцевал.

Закончилась кассета. Деловито
Поборы спрятал в порванный карман,
И ленту прокрутив назад, он лихо
Ламбаду вновь затанцевал.

А мать с отцом скрывал платок вуали.
Боль выставив Арбату напоказ,
На жалости народной наживались
И милостыни стряхивали с нас...

Где пляшет обезноженное детство,
Волна стыда нахлынет за страну...
Бросает деньги и впадает в бегство
Толпа, отрециваясь на ходу.

(июнь 1990)

«Мое наитие предчувствует подвох...»

Мое наитие предчувствует подвох:
Когда-то оборвется там, где тонко.
Душа сгорит, испустит грудь печальный вздох,
Поникнет взгляд в задумчивость неволью.

И мысли потекут, выстраивая ряд:
«Логический конец любви – измена!»
Я должен ли им верить и внимать,
И до какого крайнего предела?

А есть ли он – предел? И как определить?..
Рой мыслей так опутывают душу,
Что подымается желание завывать,
Подняться на дыбы и все разрушить...

(июль 1990)

«Я сознаю свое бессилье пред тобой...»

Я сознаю свое бессилье пред тобой —
Мне нет любви.
Я принимаю жизнь навязанной игрой —
Сердца пусты.
Они не бьются в унисон – затерян клад
Моих надежд,
И круг смыкается в бессмысленный разлад
Немых невежд.
Я соткан весь из паутины тех страстей,
Что правят бал
В душе моей, но паутину из сетей
Сам навязал.
Хоть бьюсь в ячейки силою своей любви,
Но выход мал.
Запутавшись, кричу с надрывом: «Помоги!»
В ответ – оскал.
(июль 1990)

«УЙТИ БЫ В МОНАШЕСКИЙ СКИТ...»

Уйти бы в монашеский скит,
Мирской суете выдвигая
Вину не прощенных обид,
Вину недоступного рая.

Забыть бы, к стыду маргарит,
Их руки и нежные ласки,
Но совесть, потупись, глядит
На лица, одетые в маски.

Выводит, выводит тропа
Нехоженных дум в беспокойство,
И снова смеется судьба
Над бесполезным геройством.

Но тщетно желанье мое.
У жизни изнанку изведав,
Я вновь остаюсь в бытие,
Где мною сроднились все беды.

Да, я остаюсь, где душа
Горела в безвыходной боли,
Где сердцу тоской помогла
Почуять всю прелесть неволи.

(июль 1990)

«Моя тревога – гостья беспардонная...»

Моя тревога – гостья беспардонная —
Зашла без стука в дверь, вальяжно развалясь
В непрошенные кресла, и промолвила:
– Простите, не могу не потревожить вас.

На чувства лучшие и оголенные
Она накинула тугую кисею
Своих каприз, чтоб думы потаенные
Объяли жаром муки голову мою.

Гоню ее – беззубо улыбается,
Клянущая ее опять чертями во сто крат,
Но вот беда – с тоскою она знается,
И видно, сам нечистый ей не брат.

(июль 1990)

«Беда моя, я чувствую, лишь в том...»

Беда моя, я чувствую, лишь в том,
Что в нужную минуту я не рядом...
И пот обильным выступает градом,
Найдешь опору если ты в другом.
Он не поймет тебя, ему другое надо...
Беда моя, что я не буду рядом,
Беда твоя... Хотя не знаю, в чем.

(июль 1990)

Гадание

Я загадал на гуще, на кофейной,
Что загадал?.. Не спрашивай меня.
Я все тревоги сердца и волнения
На суд кофейный вывел из себя.

Я ждал ответ, истошно подвывая
Неслышным воплем связок горловых,
Калеча душу, самоистязая,
И все же уповая на святых.

А так ли уж безгрешны все святые?
И так ли справедлив их приговор?
И верить ли безропотно в простые
Слова, разлитых в блюдечке в узор?

Но я внимал, тревожно вычитая
В узоре линии своей судьбы,
И в таинство запретное вникая,
Я истину искал из ворожбы...

И мне открылась правда в голом свете,
Такой, что защипало на глазах.
Я понял, что теперь за все в ответе
Не ложь на тонких и кривых ногах,

Один лишь я. Но в самоуниженье,
Вы как хотите, я не перейду!
А за паденьем будет восхожденье,
А нет – сгорю, как звезды на лету.

(июль 1990)

«Как прекрасное соседствует с шипами...»

Как прекрасное соседствует с шипами...
И в букете роз – гармония любви,
Невозможно обхватить букет руками,
Как тебя нельзя принудить: не коли.

Но прекрасное без жалости завянет,
Без поклонников желания пусты.
И твои шипы тем паче ранят,
Чем прекраснее твои черты.

(июль 1990)

«Как поздно мы жалеем о поступках!..»

Как поздно мы жалеем о поступках!
И жаль, что нету власти над судьбой.
Я стрелки от часов хоть на минутку
Назад бы прокрутил со всей душой.

И я прожил бы прожитое время
Сначала, только зная наперед
Событий очередность, притерпелость
Возвел бы в ранг заслуженных господ.

Твои капризы бы меня не волновали,
Перетерпел их в первый раз,
Смеясь, переносил бы я удары
Твоих распахнутых к обману глаз.

(июль 1990)

«Чем ближе я рассматриваю путь любви...»

Чем ближе я рассматриваю путь любви,
Спадает шелухой с меня наивность...
«Откроется ли зримо тайнопись души?
Настолько ль тяжела ее повинность,
Насколько я чутьем предугадал?» —
Душой терзаясь, тайно так страдал.
Казалось, мир наполнен лишь враждою,
Или судьба играется со мною...

Анафема предъявлена любви —
Вокруг меня душевные изъяны:
Сердцами в грязь шельмуются они,
Бросаясь в душу костылями.

(июль 1990)

«Судьба – она коварно ворожила...»

Судьба – она коварно ворожила,
При мысли той становится мрачней:
Но дар страдать она мне подарила,
И дар любить, не ведая сетей.

Я жил тишком, судьбу не проклиная,
Тишком судьба готовила урок.
Я думал, мне открылись двери рая,
Но оказалось – клюнул на крючок.

Глаза мне плетью вышибали хором,
Чтоб видеть лишнего, слепой, не мог,
И сердце прожигали сильным словом,
Смеясь над тем, как кривится мой рот.

Со смехом в душу мне втыкали иглы,
Терзали гордость женскою игрой,
Прямой ответ терялся в «или – или»,
А взгляд задергивался пеленой.

Кромсались губы яростно зубами,
Но слез скупых не видеть никому —
Я их с кровавыми глотал комками,
Чтоб утолить наплывшую тоску.

И как идя на плаху с топорами,
Любви я тело брренное вверял,
Где палачи меня четверговали,
И где любовь глашатай проклинал.

(июль 1990)

Последнее письмо

Я ухожу, но ты не виновата,
И я ни в чем тебя не упрекну.
Пусть будет жизнь событиями богата,
Пусть будет вольность сердцу твоему.

И пусть придет пронзительная жалость,
Что не сложилась жизнь у нас с тобой...
Приму я боль, как уготованную крайность,
И молчаливо растворюсь в покой.

Твою измену выдержать не сможет
Ни сердце, полное от мук любви,
Ни страстная душа, где страхом гложет
Опять неверие в слова твои...

Пусть равнодушие войдет в меня тоскою —
Растрченное сердце жаром отгорит...
Ты не изменишься, не будешь ты другою,
И ничего уже не изменить...

Не буду продолжать, слова я помню,
Что жертвенность не свойственна тебе.
Люби себя, и как была ты вольна,
Так и плыви на белом корабле.

А я уйду, и пусть седые волны
Сомкнутся над моею головой.
Душа не умерла, пусть будет больно,
Но только миг, а там уже покой.

(июль 1990)

«Наше время окутано ложью...»

Наше время окутано ложью,
Хоть оковы стираются в пыль.
А политики наши, как в ложе,
Поменялись один за другим.

Только хорное пение сводит
И сегодня кого-то с ума.
Обещание их не тревожит,
Обещаньями полна страна.

Растревоженным ульем гундосит
Многолюдная масса толпы.
И страна, как на свалке отбросов,
Выпускает пожаров дымы.

Шелухою помятой всплывают
Загнивающих язв гнойники.
И ошибки отцов расчехляют,
Никого не щадя позади.

(июль-август 1990)

Легко сказать

Легко сказать: «Накручивать не надо».
Велик соблазн – наитие твердит.
Меж нами – постоянная преграда,
И жизнь диктует свой вердикт.

Закон у жизни – выживает сильный,
Наветам – смерть! Сжигаются мосты.
А слабый, корчась, тянет непосильный
Печальный воз несбывшийся мечты.

И воз тяжел! И бросить его жалко,
А вдруг судьба закрутит поворот...
И вот по всем колдобинам, по балкам
Скрипит телега, полная невзгод.

Когда ж минует проклятое время,
На вздохе, на пределе слабых сил,
Тяжелое свое отбросив бремя,
В грядущий путь направишься один —

Тут сонные артерии, взбухая,
Опутают, как жертву осьминог,
Надорванное горло великана,
От пересилья сжатого в комок.

(июнь-август 1990)

«Не в сердце, обожженное позором...»

Не в сердце, обожженное позором,
Не в отражениях кривых зеркал,
Напрасно в замусоленном камзоле
Свою любовь поникшую искал.

И не на старом дощатом заборе
Ножом слова навечно вырезал...
Я уносил далеко в сине море
В закате дня застывшую печаль.

(август 1990)

«Не кажусь ли тебе смешным я?..»

Не кажусь ли тебе смешным я?
Моя любовь – забава ль для тебя?
Я – словно шут на оргии Батые,
С огнем играю, толпы веселя.

Невеста, как в плену, где обреченно
И на моих глазах седой монгол
Ее ласкал со смехом потаенным.
Но яд в его усмешке я прочел.

Тебе моя любовь не мука ль,
Обязанность, вменяемая в роль?
Иль, может, с кем-то перепутал
Тебя намеренно завистник-тролль?

Он переплавил сердце в камень
И вывернул изнанкой в темноту,
Хранимую запретным талисманом,
Закрытому к ответному добру.

И не щадишь ничьей души ты,
Каменя слов бросая наугад...
Игрой расчетливой прикрыты
Глаза, не ждущие наград.

(август 1990)

«Мне горько сознавать...»

Мне горько сознавать, без преувеличений
Скажу: в любовь я верил, как в звезду,
Что мчится по небу среди созвездий,
Пылая и сгорая на лету.

Но вспышкой озарив распухшее пространство
И превращаясь в горклую золу,
Отводит нас от ханжи и жеманства,
Склоняя всех к ответному добру.

(август 1990)

Романс

Растрачены слова,
Что для тебя лелеял.
В бессилии душа
Опору не найдет.
На сердце маета —
Я истину рассеял,
Но совесть, как судья,
К ответу призовет.

В любви счастливых нет,
Не может быть иначе.
Я крест своих грехов,
Натужась, волочу.
Промчит кабриолет,
Наполненный удачей,
И снова мне без слов
Задунули свечу.

Дыханием зимы
Повеяло невольно,
Когда бокал любви
Я осушил до дна.
И не было жары
От ласк уже холодных,
Как не было вины
В ее пустых глазах.

Разрушены дворцы,
Но памятники в моде.
Обласканных вершин
Недостижимость – боль.
И голые рубцы
На сердце, и невзгоды —
Разорванный сатин
Души – земная соль.

И нервы вновь меня
Держали на пределе.
Растрачены слова,
Как ночь, пуста душа...
Поникли образа,
Замолкли менестрели,
А скромница-судьба
Плетется не спеша.

Озябшие слова

Мне не оттают душу,
Замерзшие сердца
Холодны и пусты...
Но только те глаза
Надолго не забуду
И нежные слова
Оставлю до весны.

(лето 1990)

«Святая истина объявлена позором...»

Святая истина объявлена позором.
Как на войне, сшибаются во лжи
Заботы о себе во мнении народном
С заботой о поднятии страны.

(лето 1990)

«Монументы стареют и крошатся в пыль...»

Монументы стареют и крошатся в пыль,
Хоть фанфарные гулы эпохи,
Лошадьми топтавшие рожь и ковыль,
До сих пор еще где-то не смолкли.

Нам бы ветер от моря, чтоб вымести зло,
Заселившихся в низких душонках!
Нам бы детские лица, как совести дно,
В ползунках, в расписных распашонках!

(лето 1990)

Два романса

1

Не углубляй воспоминанья
Забытых слов, забытых фраз.
Ушли, как ветер, оправданья
Без вдохновенья и прикрас.

Ушли в безмолвие причины,
Руководящие умом,
Затертые одним почином
И непонятные в другом.

Как непонятна грубость ласки,
Так непонятна наша речь,
Одетая в тугие маски,
Чтоб нас от боли уберечь.

И мы, от боли убегая,
Скрываем прошлое от глаз...
Не углубляй воспоминанья
Забытых слов, забытых фраз...

Не углубляй воспоминанья,
Прошу тебя в последний раз.

2

Уйдут в неторопливости года,
С торжественно-печальной улыбкой,
И звоном отдают колокола
Моей любви – чарующей и зыбкой.

Их перезвон, как утренняя хмарь,
Качающая на воздушной зыбке,
Как солнечные нити, входят в ткань
Тумана – не напористо и зыбко.

Меня поднимет гордая волна,
Торжественность снимается улыбкой,
Глазами я держу твои глаза,
Холодной поддержанные шибко.

И в них растает лед твоей любви,
Вновь одиночество пронесит с шиком
Нарядные одежды от тоски,

Шуршащие таинственной ошибкой.

(лето 1990)

«Как обреченный на поступок...»

Как обреченный на поступок,
Герой события искал.
Народ к стопам его послушно
Седые гимны возлагал.

Он жаждал ярких увлечений,
Терзаясь скукой и тоской,
И в глупых ласках наслаждений
Терялся пыл его молодой.

Он смог создать оружие ада,
Лечить поверженных людей...
Одна была ему награда —
Он не познал любви сетей.

Когда любовью окропилась,
Как ядом, щедрая душа,
Героя сердце не разбилось —
Взорвалось в клочья, в небеса.

(август 1990 – июль 2007)

«Есть в душах призванье...»

Есть в душах призванье
Любить и страдать,
И жаждать признаний,
Как редких наград.

Есть в душах короста
К ответной любви
И тяга к погостам —
Хозяйкам тоски.

Есть в душах отдача
К заблудшим душам —
Стеная и плача,
Выслушивать срам.

Есть в душах отвага
Выдерживать гнет
Упреков напрасных
Житейских невзгод.

И сколько их, сколько —
Загубленных душ!..
Не ведаю только,
К каким отношусь.

(август 1990)

Дума

Мне в гуле леса чудится прибой
Седых морей далеких, недоступных.
Я отдаюсь напевам сосен в зной
Дня летнего и, мысленно, глаза потупив,
Я отхожу на корабле мечты
В далекий рейс своих воспоминаний.
Мне рокот волн напоминаешь ты,
Когда твой голос звонкий напевает
Мелодию нехитрую пластов
Заезженных, испорченных иглою.
Я уношусь до дальних островов
Моей любви, окутанных порою
Туманом призрачным холодноты
Твоих объятий и нежарких поцелуев...

В мечтах, быть может, много простоты,
Но не всегда воспоминание балует
Своим приходом нас, бежавших вскачь,
Мы не кричим: «Остановись, мгновенье!»
Нам некогда услышать детский плач,
И время не одарит нас прозреньем.
Прошли года сплошною чередой.
Когда-то нас манило честолюбье,
Мы изнывали в толпище людской,
Без цели напролом шли на распутье.
Вину отцов сводили в пустоту
И за корысть считали достиженья.
Задумавшись, идущих на войну
Мы отвращали от грехопаденья.
Обидно, время не торопит нас,
Мы не спешим быть миру благодарны.
Уходят лучшие, уходят без прикрас,
Нас, нищих, оставляя на закланье.
Честолюбивых замыслов рабы,
Мы поклоняемся кумирам ложным,
И размножают баловней судьбы
Порывы ветра к переменам модным.

(август 1990)

«Ах, нам счастье дается, дается...»

Ах, нам счастье дается, дается.
Белокрылые к выси летят купола.
А над морем несется, несется
Белых чаек крикливых тоска.

Мы затравленным взглядом озреем, озреем
Землю грешную с великолепной выси,
И крупинки добра мы засеем, засеем
В душах тех, не способных ко лжи...

И в очищенных душах проснется, проснется
Задремавшая совесть погасших сердец...
Ах, нам счастье дается, дается,
Как поэту терновый венец.

(август 1990)

«Промчитесь вы, промчитесь, облака!..»

Промчитесь вы, промчитесь, облака!
Не растревожьте сонную печаль,
И зимних дум заснеженных тоска
К моим воспоминаньям не причаль.

Вы проплывите в гордой высоте,
Открещиваясь пухлыми перстами
От тягот, что с лихвой лежат на мне,
Как на могиле одинокий камень.

Вы отдавайтесь ветру, как любимым,
Его объятья – страсти завихрен!
...На этом свете многие гонимы
И безучастны, как немая тень.

(август 1990)

«Я соткан из печальных нитей...»

Я соткан из печальных нитей,
Из грустной пряжи связана душа,
Но Бог тоски меня, как свитер,
Распустит, не спеша.

И, словно голый перед миром,
В извивах нервов, жил, крови
Предстану, ужасая видом
Всех, жаждущих любви.

Они проклятьям и глумленьям
Открытый взор мой предадут,
Насмешкой ранят и презреньем,
Как грязью обольют.

И я, оболганный, гонимый —
По жизни, как на волоске —
Я припаду к своей любимой,
Отверженный всеу.

Я в утешениях забудусь
И груз тоски сниму с плеча...
Мои потреснутые губы
Найдут овал лица.

(сентябрь 1990)

«То ли дождик льет...»

То ли дождик льет —
Тучно в небесах,
То ли градом бьет
На семи ветрах.

То ли каркают
Черны вороны —
Не под арками —
Как на проводах.

Не трубит труба,
Не печалится.
Не звенит струна —
Обрывается.

Не молитвы стон —
Заклинание,
Не могилы вонь —
Завещание.

Гой ты, Русь моя —
Обездолена —
Вспомяни меня,
Непригожего!

Разойтись, как встарь,
Как буян в плясу,
Но молчит звонарь,
Теребя рясу.

Это проводах,
Но не жалости.
Что ж вы, вороны,
Распоясались?

Что ж без святости
Вы раскаркались?
Аль без радости
Жизнь под арками?..

На семи ветрах
Небо громом бьет,
Нагоняя страх
На честной народ.

(сентябрь 1990)

«Пролетал осенней ночью...»

Пролетал осенней ночью
В поднебесье черный грач,
И над грешною землею
Слышен был прощальный плач:

«Оставляю вас, родные
Помертвелые поля,
На далекую чужбину
Мне дорога пролегла!

Ждут меня кокосы, пальмы,
Теплый ветер, жар пустынь,
Но милее южной дали
Ваша утренняя стынь!»

И слова с прощальным воем
Ветер в поле уносил...
И далекий, рядом с морем,
Обманул ориентир.

А поля его тоскливо
Ожидали по весне,
Но кровавый след уныло
Отцветал на маяке.

(октябрь 1990)

«Я за чистую монету...»

Я за чистую монету
Принимал твою слезу.
И не верил я навету,
Как не верят в клевету.

Я растаскивал печали,
Затеплял свою мечту,
Как на ярком карнавале,
Сыпал шутками в толпу.

Отчуждением холодным,
И не раз, бывал я бит,
И в ларце моем походном
Связка писем не лежит.

Все ушло в слова и крики,
В нервы, дерганье плеча
И в картежные интриги,
В рюмку терпкого винца.

И прохладой навеет
От напрасно-серых дум,
А мечта давно хиреет,
Как забытый бог Перун.

(октябрь 1990)

Не жаль

То ли горе, то ли радость,
То ли светлая печаль
Одному теперь досталась,
Только этого не жаль.

И растерянных улыбок,
И напрасно литых слез.
Мне не жаль, что был я низок,
Как не жаль, что был высок.

И обманутых мгновений
На разбитых зеркалах.
Мне не жаль, что я в прозреньях
Принимаю все не так.

Мне не жаль, что будет горько —
Жизнь открыта для обид...
Неразгаданных их столько,
Что хватило б на двоих.

(1990)

О смерти

Нам в смерти есть предначертанье
Былых, растрченных свобод.
И скромной славы упованье,
И скрип заржавленных замков.

И в смерти, как в печальной шутке,
Есть запоздалый нам урок,
Чему внимаем равнодушно,
Как Гамлет в сгнивший черепок.

Нам всем когда-нибудь придется
Пройтись по лезвию ножа,
И на мгновенье до погоста
Длинней покажется верста.

Все это было, было, было!
У всех по-разному, но так.
Старухи скошенное рыло
На нас взирает, как удав.

И мы пред нею все смиренны...
Но в жизни хочется хоть раз
Ей бросить вызов не согбенный,
А взглядом горделивых глаз.

(октябрь 1990 – май 1996)

Осень 90-го года

1

В добре и зле доходим до предела,
И в зависти кидаемся в упрек,
Но ржавчина затасканного шлема
Глаза нам ест, как мыльный пузырек.

Когда народ смеется – нет погромов,
И языки завязаны от лжи.
А по ночам не каркают вороны,
Приветствуя явление чумы.

С разинутою пастью, до хрипоты,
Не мечутся натасканные псы,
И, страждущих насилия, когорты
Смиряются под натиском толпы.

Незаклишованы душевные печати,
На сердце не презрения нарост...
Кирасы забульжены до вмятин,
Когда исходит хохотом народ.

2

А мы в плену своих разоблачений,
Своих свобод – поклонники цепей.
И дразнит нас тлетворный запах мщенья
Давным-давно почившихся теней.

В бессмысленность впадая с каждым разом,
Страну на откуп чинарю отдав,
Как с несостоявшимся оргазмом,
Мы бесимся, когда тасуем явь.

Прилавками пустыми, как кошмаром,
Встречает дни великая страна,
А кто-то ухмыляется пожарам
И под прицелом держит, как врага.

И чья-то затаенная порука
Удерживает заговор в тени...
Я не пойму, за что такая мука
Все дальше и все дальше от войны.

(октябрь 1990)

«Друзья мои, простите... и прощайте...»

Друзья мои, простите... и прощайте.
Мой путь далек,
\$\$\$\$не видится конца.
И с жалостью любить не обещайте.
Что жалость мне?
Мне ненависть нужна!

Холодная мне ваша безучастность
Нужна, как сердцу тающий бальзам.
Небрежная, колючая бестактность,
Быть может, все разложит по местам.

Нужны мне ваши едкие упреки
И бунт суровых, отчужденных глаз...
Приму я ваши гордые уроки,
Быть может,
\$\$\$дай-то Бог,
\$\$\$\$\$\$\$\$в последний раз...

(октябрь 1990)

Питерский этюд

Осень обжигала листья докрасна,
И туман стелился, обнимал дома.
Мокрые страницы падших листьев – влет,
А ночные лужи убаюкал лед.

Шпиль Петра и Павла золотом блестел,
Сквозь клочки тумана в сумерках зардел.
Лишь Нева угрюмо ворошила рябь.
И прикован всадник, как к граниту раб.

(октябрь 1990)

Памяти Высоцкого

Черно-белых коней
Запрягал в белоснежные сани.
Диким посвистом кони бросались лететь.
Но вьюжило с полей.
Что ж вы, кони, в разлучине стали?
Или вам не понять то, что требует плеть?

По замерзшей реке,
Оставляя тревожную память
В лед зарубками черно-горячих копыт,
И о твердой руке,
Что уздечками морды кровавит,
Направляя коней, убыстряя их прыть.

И нахрапом, из сил,
На последнем, безжалостном вздохе,
Распрямя хребтины в струну тетивы,
Кони снежную пыль
Принимали губами в полете,
Унося седока от наветов толпы.

— Я не буду забыт! —
Голос рвался, и лопались жилы,
И бунтарский замах становился сильней,
Но срывали с копыт
И кидали подковы в обрывы,
Не жалея несущихся вскачь лошадей.

И когда на лету
Захрипели упавшие кони,
Белой смертью покрылось лицо седока,
На могилу ему
Морду лошади, вздыбленной в боли,
Изваяла в насмешку все та же толпа.

(октябрь 1990)

Тост

Я пью за радость нашей встречи,
За зыбкий утренний туман,
Окутывающий нам плечи,
Спадающийся вниз к ногам,

Я пью за наши исступленья
В несдержанности ласки рук,
И за холодный хмель прозренья,
Когда пришлось сказать: «Забудь».

Я пью за сладкую истому,
И отменяя гордый нрав,
Растративший и боль, и злобу,
Я не скажу, что был не прав,

Я пью за тайну полумаски,
За флирт, за ветреный обман,
За дым, растаявший, как в сказке,
В сухих признаньях по утрам,

И за утерянные годы,
Переживания обид...
Я пью за прошлые невзгоды,
За будущие – Бог простит!

*

Когда наступит день ненастный,
И отвернутся и враги,
Я не допью бокал на счастье,
Как не допил бокал любви...

(осень 1990)

Издателю

Я пишу Вам письмо,
И без тайного умысла, и без тревоги.
И не тешу свое честолюбье напрасной игрой.
Мне в себе не сдержать
И усталые мысли, и боли,
Я устал этот мир называть «дорогой».

Может, кто-то прочтет
И подумает: странный был парень,
И увидит меж строк – одинокий хандрит оптимист.
Но кому-то понравится
Режущий запах печали,
Что исходит миазмом с исписанных в грусти страниц.

Я пишу Вам письмо,
Не надеясь на Ваше вниманье,
Не жалея напрасно утраченных лишних минут.
Наше время, как сон,
Все проходит в немом ожиданье;
Мое поколенье людей с потерянной верой живут.

А без веры нельзя!
Достоевский воскликнул в прозренье,
Что будет безумный наш мир красотой спасен,
Но пока красота,
Возведенная в ранг воскресенья,
Убивает замедленным ядом всех тех, кто влюблен.

Я пишу Вам письмо,
И не жду ни ответа, ни взрыва;
Ваш холодный отказ я приму хладнокровным умом.
И боюсь одного:
Не жалел бы я после с надрывом,
Что я душу в стихах обнажил и отправил письмом.

(осень 1990)

«Горечь разлуки...»

Горечь разлуки,
Горечь прощания —
Жаркие муки
Гасят сознание.

Встречи туманны,
Ясны те проводы,
Взглядом желанным
Что переполнены.

(декабрь 1990)

Баллада о колбасе

Посвящается Яковлеву Александру по кличке Мафия

Посылку с колбасой
Прислали к нам в общагу,
Но только дело в том —
Владельца не сыскать.
С хмельною головой,
Растратив всю зарплату,
Кусок мясной ножом
Решили разрезать.

Болванка колбасы
Отдалась на закланье,
Но Мафия – закон,
Отрезал полкуска.
– Сходи-ка покурить, —
В лицо ему сказали...
Когда вернулся он,
Осталась кожура.

Не в царский манускрипт
Я приглашаю верить,
Без лишней трепотни
Открою вам секрет:
Как исполинский кит
Бросается на берег,
Так Мафия с тоски
Бросался на паркет.

Но это полбеда,
Ведь мафия – бессмертна,
Слезу смахнув с лица,
Он мстью воспылал.
С колбасной кожуры
Врагам на страх, навечно,
Четыре узелка
На память завязал.

И надо было зреть,
Как отвалилась челюсть,
Когда на свой вопрос:
– А чья же колбаса? —
Услышал он ответ,
Расскажут – не поверю:
– Да наша, голубок!
– Как наша?

– Да твоя!

(январь 1991)

Два клоуна

Два клоуна жили на яркой арене,
Два мима: Печальный, Веселый.
Печальный воспитан был в строгой манере,
Веселый – вообще был бедовый.

Он шуткой из друга слезу выбивал,
И публика в хохоте выла,
Калила ладони на скорбный оскал,
Кричала: «Поддай-ка, дурила!»

И смехом Веселый еще и еще
Печального в скорбь загонял.
Народ потешался, когда он зелье
В напиток ему подсыпал.

Но как-то Печальный закорчился в боли,
От боли, что в сердце вошла.
У публики снова зарделись ладони,
Веселый пинался в бока.

Трагично кричал он: «Вставай же, вставай,
Состряпай гримасу тоски!»
Печальный торжественно-гордо молчал,
И смертью покрылись черты.

Тут вздрогнула публика, гомон утих,
Оркестр замолк оглушимо.
Заплакал Веселый, снимая парик,
Над телом умершего мима.

...Так наша проносится глупая жизнь:
Мы – клоуны в жалкой репризе,
И сердце взрывается спазмами жил,
Никак не смирившись в капризе.

(10.07.1991, 23.12.2001)

Кладбищенский мотив

Проходят мимо люди, люди, люди,
Молчат могилы, только гомон птиц.
И шум берез их больше не разбудит,
И слезы, нет, не скатятся с ресниц.

Последний их приют хранит молчанье
Былых страстей, несдержанных утех.
И жизнь прошла и прожиты страданья,
Не предстоят им больше оправданья
За зло, коварство, за любовь, успех.

А я безропотно в себе обиды
И ложь хранил открытых серых глаз...
Твоя любовь – любовь кариатиды —
Не согревала душу в трудный час.

(июль 1991)

«Я выгравировал слова...»

Я выгравировал слова,
Запечатлевшие ожогом,
Но шорами слепы глаза
За молчаливым разговором.

Душа пропитана добром,
Флюиды сбрасывая градом.
Печалью стонущий разлом
В тиски сжимает сонным взглядом.

Отрепетирована речь
Сухой тоски на светлом бале.
В душе писал: любовью жечь,
Но получилось: ожиданье.

(январь 1992)

«Откуда-то из глубины...»

Откуда-то из глубины,
Из тайных тайн, из подсознаний,
Рождается любовь души
И страждет ласок и лобзаний.

Но не возвращенная, в ответ
На холодность и дикость нрава,
Предпочитает умереть
На высшей точке, а награда
За слезы, верность и любовь,
За ласки, что ушли впустую, —
Обломанный венец годов,
Растраченные в холостую.

И лишь ночами, в темноте
Колючий ком воспоминаний
Подводит к роковой черте,
Где можно было все исправить.

(1992)

«Как в теплом сне качаются улыбки...»

Как в теплом сне качаются улыбки —
Качаюсь я меж небом и землей.
Как лик свечи, любовь теплится зыбко,
А счастье проплывает стороной.

Ловлю его губами и руками,
Томимый болью от пустых обид...
Нет! Мы не все друг другу рассказали,
И сердце, жаль, одно не на двоих.

Как было бы легко: мои заботы
С тревогой принимала за свои.
А я бы чувствовал, идя с работы,
Что ты одна печалишься вдали...

Но все прошло, и суетность бывшего
Не возвернуть – кричи иль не кричи —
И белый снег, подтаявший немного,
С чужих ладоней на губах горчит.

(1992)

«Я белый стол на небе закажу...»

Я белый стол на небе закажу,
Когда придет пора побыть у Бога.
Свои печали я с собой возьму
И ангелам поведаю немного

О том, как жил, любил, страдал и пил,
И как мечтал, надеялся и верил,
Зачем любви вериги я носил,
Наветы с клеветою как я встретил.

Я им поведаю о горьком дне,
О радостном умалчивать не стану —
И пусть они решают, что во мне
Хорошего, плохого... Я не знаю...

(1992)

«Нежность – отомри!..»

Нежность – отомри!
Пусть не отшлифованы страницы!
Жалость – не приди!
Робость, не коснись моей десницы!
Вихрь во мне – пусть!
Буйство красок огромных полотен.
А с арены грусть
Шлет поклоны далеким, далеким.

(апрель 1992)

«Ты говоришь, что так любить нельзя...»

1

Ты говоришь, что так любить нельзя,
Как я люблю,
\$\$\$\$что так сгорают звезды
В стремительном полете над землей...
Но как же надо чувствовать тебя,
И как любить,
\$\$\$\$дышать тобой и помнить,
Что в нежность выливаюсь я рекой.

(1992)

2

Писал сей стих в минуты роковые,
Когда стезя обид заносит в никуда...
С тех пор мы с ней совсем-совсем чужие,
Короче, мы расстались навсегда.

(21.06.2009)

«Я ни о чем с тобой не говорю...»

Я ни о чем с тобой не говорю,
И с фотографий молчаливо
Из глубины, как образ к алтарю,
Ты смотришь, боль моя и диво.

Я ни о чем не говорю с тобой...
Все отошло: и встречи, и разлуки,
И то, что называла ты судьбой,
Преподнесла нам горестные муки.

А на столе, развернутом к окну,
Лежат не фотографии, а вехи...
Я вспоминаю летнюю Москву,
Где были счастливы в любви, как дети.

И не с тобой сейчас я говорю,
Не для тебя написаны страницы,
Хоть в памяти проходят вереницей
Виденья те, чем больше не горю.

Я ни о чем с тобой не говорю...
Все улеглось, и в трепетных ладонях
Не удержать скользившую мечту
По тонкой нити памяти в былое.

(лето 1993)

«Я отдал бы все...»

Я отдал бы все:
И нежность, и счастье...
Но время пришло,
И снова ненастье...

И серые хмари
Высоких небес,
И зов их печален,
И мне не успеть...

А было!.. Взлетала
К высотам душа!
Но вновь отцветала
У лета листва...

Я к белым березам
Губами прильну,
Сдирая до крови
Свою шелуху.

Я будто бы снова
Рожденный в ночи.
И жизнь, как подкова,
Ломает – кричи!

Но крик непослушен,
Он – шепотом – в стон,
И снова нарушен
Божественный сон.

Окутанный дымкой,
Мне грезился он,
Как будто в заимке
В камине огонь.

Сгорали дрова,
И пела гитара...
Чужая зола...
И песня чужая...

(июль 1993)

Исход

Я ушел в непогоду,
Как уходят в дожди,
Исчезая подолгу,
В океан корабли.

И огромное море,
Обнимая борта,
Принимает их вскоре
Кораблями дождя.

Их ведут капитаны,
Они – люди дождя,
Через бури и страны,
От себя уходя.

Я ушел, не желая
Расставаний и встреч,
Унося за плечами
Нераскрытую речь.

И распахнутым сердцем
Обнажаясь, как есть,
Всем не к месту и мелочь,
И ненужную спесь,

И грустинку таящей
Оскорбленной души
У последней звучавшей
Самой нервной струны!

И кричал я без крика:
– Где вы, люди дождя?.. —
Но висела без лика
В черном небе луна...

Я ушел в непогоду,
Как уходят в дожди,
Навсегда ли, надолго,
В океан корабли.

Я ушел одиноким,
Я страдал, уходя...
И смывают пороки
Ночью...
\$\$\$капли...
\$\$\$\$\$\$дождя...

(август 1993)

Последнее і

Мой шаг был ложен изначально,
Твой – изначально был хитер.
Ты равнодушие с печалью
Переплела, как деньги вор.
И гордый нрав свой обрекая
Поступкам сладостных идей,
Ты выдала – уничтожая —
Посмешищем среди людей
Мои пронзительные строки,
Мои волнения, мечты,
Ты обрекла меня на боли
И усмехалась вдали.

Тебе приятно лицедейство
И выгораживать лицо.
И сотворила не злодейство,
А просто было все равно.

Я рад тому, что ты читала
Чужим написанное мной,
Молва уже меня догнала,
Но все сотрется в перегнутой.
Быть может, чье-то удивленье
Оставит жизнь моим стихам,
И снова буду в вдохновенье
Доказывать, что я не хам.

Я от тебя не ждал удара,
Безумной вольности такой...
Быть может, ты меня не знала?
Или смеялась надо мной?

Уничтожая, все забуду
И, нетерпением томим,
Тебя я замечать не буду,
Всего себя отдам другим.
И с маской нежности коварной,
Но с кровью в сердце, я шептать
В глаза другие – не желанной! —
Начну, чтоб душу забавлять...

Загадка женщин – тайна мира —
Непостижимости полна.
Не потому ли так мужчина
Бывает страшен иногда.
Когда вас любят, вы томитесь

Или смеетесь нам в лицо
И любите, когда хулитель
За горло держит, как в кино.
Вы устаете в обхожденье,
Вам сила грубая нужна,
И кулаком чтоб в заблужденье
Ударили кого-то зря.
В мужчине мягкость – вам отрава,
А нежность – вовсе отомри,
Порядочность – что та канава,
Которую бы обойти.
Возвышенность – на смех похожа,
Самосожжение – беда,
К чему относимся мы строго,
Вы говорите: «Ерунда!»

Когда вам душу раскрываешь
И сердце вынешь на ладонь,
Готовы вы облить плевками
И разрубить, как топором.
Поступки ваши – не от сердца,
Лишь ум холодный и расчет,
И нравится вам больше перца,
Где перец – там наоборот.
Все вам не так, капризы ваши
И сплетни, склочность, суета
Сопровождают без остатка
Такую жизнь, где нет себя...

...Я не виню, не упрекаю,
И нет твоей ни в чем вины.
Я сам себя за все ругаю
И отрекаюсь от любви.
Пусть будешь ты сильна, богата,
Пусть чувства лучшие придут,
И пусть любовь, а не расплата
Согреет будничным уют.

(август 1993)

Более чем зря

Когда в среде догмата и иллюзий
Провозглашают радость бытия
Бряцанием внушительных оружий —
Я сознаю всю хрупкость бытия.

Когда приходят проклятые страхи,
Тревожа ум и душу леденя,
Мы надеваем сумрачные маски...
И окунаемся в стремнину дня.

Когда открытые сердечные нарывы
Прокалывают жалами огня,
Тем заглушая гордые порывы —
Простите, это более чем зря.

(октябрь 1993)

Друзьям по Сургуту

1

Из милых сердцу питерских туманов,
Грибных дождей, ласкавших наш уют,
Нырнули мы в сибирские ухабы
И растворились в городе Сургут.

Палящий зной встречал нас стойким жаром,
Обильным ливнем хмаристых небес
И шепотом в отельных кулуарах
Цветущих, обаятельных метресс.

Готовы были мы на труд и подвиг —
Бродяжной жизни кажущий венец, —
А в памяти наматывался ролик
Крутых, незабываемых чудес.

Указ Отца сантехники российской³
Кромсать заставил стены с потолком,
И градом пота с щедростью облитый
Стонял и содрогался бедный дом.

Мы обнажали девственные стены,
Сдирая наслоений шелуху.
Казалось, ангелы с небес слетели
Окинуть взглядом нашу ворожбу.

Мы все прошли! И пыль вдыхали горлом,
Растягивая жилы на руках.
А вечером бродили в коридорах
И застревали в душных номерах.

Встречались, словно после тяжелой битвы,
И мир сужался горлышком в стакан,
Но жаждущие славы колесницы
Нас уносили в утренний туман.

И женщины прекрасные желали
Наш взгляд с готовностью понять.
Гусарский треп с улыбками встречали
И позволяли рюмки наполнять.

И жертвовали мы ночным покоем,

³ Отец сантехники российской – так мы величали сантехника уже в годах.

Спрессовывая время бытия,
А по субботам, на лихом запое,
Рвалась наружу с песнями душа.

Мы песнями глушили наши боли
И смехом – застоявшийся оргазм.
И снова ностальгические боги
Нас заставляли корчиться от спазм.

Но мысли были слабы в утешеньях,
И в разговорах – сумрачный обман.
А жизнь, как будто в разных измереньях,
Не подносила радость, лишь туман.

Но если мне почтенное собрание
Позволит высказать, обиды не тая,
Я провозглашаю обещанье
Вернуться в воспоминаниях сюда.

(август 1993)

2

И вновь я здесь.
\$\$\$\$\$Былое возвратимо,
Хоть в ракурсе ином, в ином ключе.
Но вера в дружбу в нас неистребима,
Как верит Бог в надежду на земле.

Поразбросало нас.
\$\$\$\$\$Горим, сгорая
И пылью в рот по-прежнему дыша.
Малы осколки питерской бригады,
Но жив костяк, и память не мертва.

А память нам раскручивала ролик!
Сравненьям – несть числа: не то, не то!
Условия пожестче стали втрое,
И смехотворно наше бытие.

И песни наши стали глуше, глуше!
Аккорд не тот, тональность, нет, не та,
И гложет ностальгия наши души,
И водкой заливаем мы глаза.

Но памятью заполненные мысли
Безжалостный диктуют нам вердикт —
Мы помним, что из Питера мы вышли,
А это о великом говорит.

Вторую зиму нам поют метели,
И в снег, и в дождь – строительный наряд,
Но все, что мы смогли и что сумели,
Не стыдно будет людям показать.

Бичуют нас ремонты на квартирах,
В гостинице безрадостный успех.
Усталость накопилась в коллективах.
В безвременье живем и без утех.

Но все ли так жестоко, мрачно, серо:
И будничным обман, и мишура?
Придет ли время, чтобы вновь запела
Нам в полный голос звонкая струна?

Чтоб только песня грела наши души,
Чтоб не было обид, раздор и ссор,
И водкой чтоб не заливали муки,
И цель была, как светлый коридор.

Я верю в возрождение былого,
И сумрак не обидит наших грез!
Мы победим!
\$\$\$\$И нет пути иного —
Без обольщенья, жалости и слез!

(март 1995)

Отвергнутый друг

С вниманием обласканных невежд,
Отринутый в глухую даль просторов,
Судьба мне слала искорку надежд
На дружбу без подвоха и раздоров.

И дружба виделась в умении дружить,
И боль друзей своей считать бедою,
И более того – себя винить,
Когда стоявший рядом был виною.

Когда стоявший рядом возомнил
Себя судьей, и оскорблять он вправе —
Он вероломно дружбу подкупил,
Нацеживая кубками отравы.

Отравы лестью и вниманья яд
Он распылял, и ложное смирение.
И в душу устремлял прескверный взгляд,
Не замечая своего паденья.

И с ложью правда так переплелась,
Что истина осталась за забором.
Во мне засеял он плевелы зла,
И день греха назначен мной позором.

Пришел тот день, отшелушилась ложь,
И правда голою предстала в свете...
Ведь сердце вряд ли лаской проведешь,
Когда тепла не видишь в человеке.

(февраль 1994)

«Жизнерадостность – не тема...»

Жизнерадостность – не тема,
Может, кто-то не поймет,
Что грустить уже проблема —
Жизнь проносится в галоп.

Отграничились все страны,
И мелькают города.
Воевать не перестали,
Вновь везде идет война.

Вновь кого-то убивают,
Вновь и слезы, кровь и пот,
Ни конца здесь нет, ни краю...
Смерть проносится в галоп.

(январь 1995)

«Не в поле, не в море...»

Не в поле, не в море,
Не в белую стынь
Уносят невзгоды
Неправды полынь.

На сердце назреет,
Как спелая ржа,
Могилой повеет
Печаль и тоска.

Заплещется море
Забывших обид,
Навалится горе,
Как тяжкий гранит,

И выход затерян —
Молчат звонари...
Но крайность предела
Почуют они,

И зыком набата
Воскреснет в душе
Надежда из праха,
Как Феникс в огне...

Нет-нет, не порвется
Последняя нить —
Душа отречется
От старых обид.

(январь 1995)

«Я рядом стою, говорю, говорю...»

Я рядом стою, говорю, говорю.
Слова – словно алая кровь на снегу.
Душою и сердцем давно не горю,
И кажется мне, что кричу в пустоту.

(январь 1995)

«Ты черным криком словно обеляла...»

Ты черным криком словно обеляла,
Душа разрезалась певучей немотой...
Ты уходила долго и упрямо,
Упрямо как была моей звездой.

(январь 1995)

«Слезинки скупые за божью росу...»

Слезинки скупые за божью росу
Я принял при встрече с тобою.
Но то не роса была – капли дождя
Разрезали щеки надвое.

(январь 1995)

«...А львица светская прикинулась щенком...»

...А львица светская прикинулась щенком,
Она ласкалась, невпопад шептала,
Клялась в любви и сердце предлагала,
Но сердце львицы, накрахмаленное злом.

(январь 1995)

«Одни ушли, и в сердце темной полосой...»

Одни ушли, и в сердце темной полосой
Их путь отмечен был навязчивой тоской.
Я истреблял в себе желанья,
И дух подлечивался долгим расставаньем.

(январь 1995)

Если б

Ах, если б знать, как трудно жить!
Как тошно глупость говорить,
И слышать умных разговоры,
И зреть обманчивые взоры.

Ах, если б знать, как больно слыть
Нахалом, жаждущим вкусить,
И насладиться не любовью,
Лишь крохами – ее подобью.

И знать бы, что в холодный дождь
Пронзит тебя сухая дрожь.
И ты, как жалкая подранка,
И жизнь кружится хулиганкой.

Ах, если б знать, где берег крут,
И не спасет надежный круг,
И за соломинку хвататься —
Перед собою унижаться.

И бред в мерцании луны
Наполнит страхом тишины,
И все пройдет за разговором:
Веселье, смех и терпкость слова!..

Ах, если б знать, как больно жить!
То не пришлось бы волком выть,
И пить зеленую отраву,
И ждать обманчивую славу...

О, Боже! Что же надо мне?
Прожить с любимой в тишине.
Чтоб не томились наши души
И все, что было – не разрушить.

(август 1993)

«Стрелки черных бровей...»

Сильви

Стрелки черных бровей,
Очи темные взгляда,
Как колодец дождей,
Где лесная поляна.

И припухлости губ,
И уверенность мысли,
И далекая грусть,
Обращенная к выси...

Одного – не прервать,
Как пройти по канату,
И желанье понять
Непростую загадку!

Но отгадка проста,
Если ближе быть к Богу...
Остаюсь еще я,
Где загадано много.

(30.08.1993)

«Шальной полет моих тревожных мыслей...»

Сильви

Шальной полет моих тревожных мыслей —
Не ухватиться, не поймать за хвост.
Разрозненные фразы уложиться
Не могут в белокаменный форпост.

Им волю дай, разбег, и подтолкни чуть —
Не обуздать, остановить нельзя —
И звезды падают, и ветры свищут,
Кругом – разверзнутые небеса.

Им нипочем метели и бураны,
Землетрясения им нипочем.
И только мохноватый снег печали
Накрыть их сможет перистым крылом.

Они в одном кружиться будут месте,
До боли растревоженной души...
Им докажи, что ту я встретил,
Которую искал до сей поры.

(сентябрь 1993)

Еще не вечер

Еще не вечер, и не пробил час,
Колокола еще не прозвучали,
Наш сладкий плен – он не оставил нас,
Хоть впереди неожиданные печали.

Еще горит и просится любовь,
Мне видится в ней что-то неземное,
Так молча отражаются от снов
Видения, ушедшие в былое.

Еще тоска скребется коготком
И белые одежды разрывает,
Пречерным покрываешь шепотком
И эту жизнь, и что от глаз скрываешь.

Еще забыть мне не дано судьбой
Ответный миг испуганного взгляда,
И дрожь очарования тобой,
И путь кругами Дантового ада.

Еще хочу пройтись с тобой в тиши
По лезвию кусающего слова,
Почувствовать смятение в груди
От своего бессилия немого.

Еще хочу в скользящей суете,
Покинутый холодными богами,
Направить вызов зычной пустоте
Кричащими нескладными словами.

Еще хоть раз в глубокой тишине,
В среде веселья, шума, гама, смеха,
Я мысленными тропами тебе
Пошлю тоской наполненное эхо.

В последний раз прошу, как ученик,
Не обессудь и не суди так строго:
Пред всеми – только маска и парик,
А мне бы знать, куда ведет дорога...

И если, загнанный, я буду умирать,
То вымолвлю дрожащими губами:
– Еще не вечер, и не пробил час,
Колокола еще не прозвучали!

(октябрь 1993)

«Удав моих ненужных мыслей...»

Сильви

Удав моих ненужных мыслей —
Петля ошибочных шагов.
Весы поступков – коромысло,
И жизнь, как между двойников.

Смертельный яд своих ответов,
Ошибка грубая была,
И ненавижу я за это
Огонь, сжигающий меня.

Идет огонь, как на пожаре,
От ветра пламенем горит
И языками опаляет
Со мною рядом кто стоит.

И боль моих усталых нервов —
Топор, нависший надо мной...
Мне легче умереть, наверно,
Чем спорить каждый раз с судьбой.

(октябрь 1993)

«Когда-нибудь во тьме забытых опер...»

Когда-нибудь во тьме забытых опер
И веруя, что будет много благ,
Я вспомню, как закручивался в штопор,
И жизнь, казалось, уходила в мрак.

И голос мне таинственный, суровый
Внушал, скорбя, тревожные стихи,
И каждый мне мерещился прохожий
Посланником от призрачной звезды.

Судьба прощала мелкие забавы,
И смерть не объявляла свой аншлаг,
Она смеялась на любовь и раны,
И заставляла делать новый шаг...

Во цвете лет, затертый в даль глухую
И прочь уйдя от политических страстей,
Я принял веру, исцеляющую душу
И явью, и реальностью своей.

Она меня поддерживала в мраке,
Волшебным светом освещая трудный путь.
Я шел... Пусть падал... Но светился факел,
И не было желания свернуть.

(февраль 1994)

«Когда я в снах своих закроюсь...»

Когда я в снах своих закроюсь
От будней, что лишь мишура —
Мне мир иной своим покоем
Откроет тайну бытия.

Там нет насильственных нападок,
И вырванных там нет годов,
И драк жестоких после пьянок,
Когда бьют трое одного...

Развратный мир своим оскалом
К деньгам безумство породил
И души тех, кто жаждет славы,
В холодный сгусток превратил.

(февраль 1994)

«Никогда ничего не узнаешь...»

Сильви

Никогда ничего не узнаешь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.